

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

Открыта тайна
Игоря Вацетиса

— Сергей Юрьевич, первый вопрос напрашивается. Ваши вчерашние слова: «Больше никаких спектаклей, никаких концертов, никаких интервью. Интервью, которое я вам дам, будет последним». Прокомментируйте?

— 31 января я дам последний спектакль и месяц не буду нигде выступать. Вообще. Что будет дальше — зависит от моих визитов к врачам. Сразу после нашего с вами свидания я, кстати, как раз отправляюсь к врачу. Я не очень хорошо себя чувствую, хотя в последнее время мне чуть полегчало. Но в этом году я должен полегчить и всерьез отдохнуть. Соберу мнения врачей и сменю ритм жизни. В этом ритме я уже не могу работать, мне тяжело. Нужно либо внутренние часы перевести, либо на одну треть сократить количество работ. Кроме того, у меня накопились серьезные литературные обязательства. Чтобы их выполнить, надо сократить свою сценическую деятельность. Никогда в жизни у меня не было такого, чтобы я сказал: «Стоп! Месяц не работаю!». В больницах, бывало, лежал, но и то редко. Пятьдесят лет на сцене, и ни разу такого не было. А теперь, как пенсионер, я имею право сказать: «Знаете что? Стоп!» В декабре я был совсем в скверном расположении духа и тела и даже думал вообще все бросить. А сейчас говорю: останавливаюсь на месяц, а там видно будет.

— Наверное, театр отнимает куда больше сил, чем литературные занятия?

— Театр — моя основная работа. Я актер. Я служу в театрах и живу от театральных заработков. Это и есть моя жизнь.

— Я вспоминаю мнение какого-то серьезного литературного критика, который писал: если б Юрский оставил сцену и целиком посвятил себя литературе, то мог бы стать очень серьезным писателем.

— Может быть, и так, но я этого не сделал. Я много пишу сейчас, но верен своей профессии и люблю театр. Кроме того, я дал слово моему покойному отцу. Единственное завещание, которое он мне оставил: если все-таки станешь актером, то не бросай эту профессию никогда, сколько сил хватит.

— Не ощущаете ли вы себя иногда своим среди чужих? Актером среди писателей, писателем среди актеров, ленинградцем среди москвичей, москвичом среди питерцев?

— Хорошо формулируете. Ощущаю, конечно. Но по моим наблюдениям так чувствует себя большинство современных людей — вне зависимости от того, занимаются ли они несколькими профессиями или одной. Ощущение чуждости, обрванности корней, неустоявшейся жизни — свойство современного человека. У меня оно тоже есть, и вы это верно заметили. Но к тому, что вы про меня сказали, я добавил бы еще и возрастные различия. А теперь, с наступлением XXI века, еще и разницу в веках. Человек XX века с влечением к XIX веку среди людей XXI века. И это скоро коснется не только меня, но и очень-очень многих людей. Это общая и довольно серьезная проблема — отчуждение одиночки от окружающих его людей.

— Вам не по себе в новом времени? Я читал ваши старые интервью, где вы говорили, что никогда не чувствовали себя так прекрасно, как в 90-х годах.

— 90-е годы были для меня самыми результативными и насыщенными. Эти результаты, правда, не всегда были замечены обществом, но работы мои были наиболее полнокровными. Причем их было много и они были разными. И если я про 70-е годы написал книжечку под названием «В безвременье», если в 80-е я попорочался с безвременьем фильмом под названием «Чернов. Черно», то 90-е годы были для меня самыми интересными при всей их трагичности.

Но 90-е кончились. Я не хочу проществовать, но ощущаю, что время начинается чужое. Для меня чужое. Не знаю пока, как в нем передвигаться и чего от него ждать.

— Вы упомянули «Чернов», который был выпущен, если не ошибаюсь, в 1990 году. И буквально год спустя вышел фильм Кесслёвского «Двойная жизнь Вероники», где выражена абсолютно ваша мысль из «Чернова» о том, что где-то в другой стране, в другом мире может быть, живет твое alter ego. Выходит, это ощущение просто носилось тогда в воздухе.

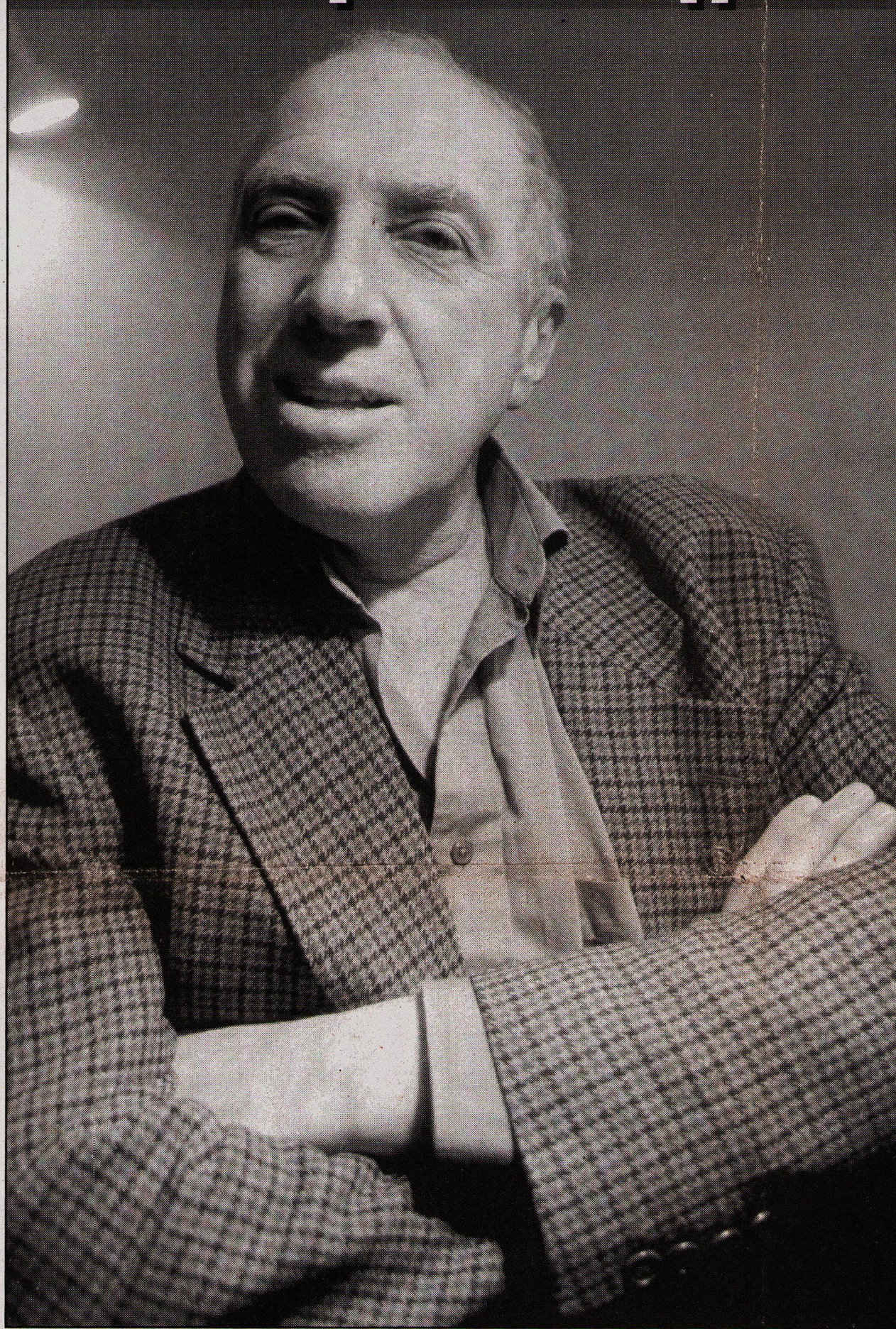
— Не видел! К моему огромному сожалению, не видел этого фильма, хотя Кесслёвский мне очень нравится. Я смотрел его трилогию, и этот человек вызвал у меня величайшую приязнь и даже родственность, но «Двойную жизнь Вероники» я так до сих пор и не посмотрел.

— А что для вас вообще значит тема alter ego? Насколько важна она для вас?

— Очень важная тема. Во-первых, это важно с точки зрения профессии, поскольку актер, собственно, этим и занимается. А во-вторых, это общая проблема России. «Что было бы, если б я был другим?» — тема, существующая у нас еще со времен великопленных перевоплощений Пушкина в его «Маленьких трагедиях», где он полностью перевоплощался то в испанца, то в англичанина, то в немца. А как Алексей Константинович Толстой в лице Козьмы Прутков насмешничал над «Желанием быть русским»? Над словом русских подражать европейцам смеялись и Островский, и Лесков, и Гоголь. Россия себя все время сравнивает то с Европой, то с Азией, и мы обречены на это постоянное сравнение.

Сергей ЮРСКИЙ:

ЕСТЬ ВО МНЕ КАКАЯ-ТО ВЫЛОМАННОСТЬ ИЗ ОБЩЕГО ПОРЯДКА

Встр. клуб. — 2001. — 26 янв. — 47

«Больше никаких спектаклей, никаких концертов, никаких интервью. Интервью, которое я вам дам, будет последним»

— В «Чернове», наверное, была еще и другая, специфически советская тема? Жизнь каждого человека могла сложиться абсолютно по-другому, если бы ее все время не направляли в искусственное русло.

— Конечно. Поэтому в советское время и возникал вопрос о раздвоении личности. Двойную жизнь создавали тебе ежедневно. Я мог говорить что-то определенному количеству лиц в определенной обстановке и не мог говорить об этом с другими.

— А вы не задумывались, как могла бы сложиться ваша жизнь, если бы ее искусственно не ломали сверху? Я знаю, что вы едва ли не двадцать лет были в опале после вашей реакции на события 1968 года в Праге. Что было бы, не будь всего этого?

— По-другому не было. Было так, как было.

— А может, пофантазировать еще про один гипотетический вариант вашей жизни? Вы начинали как режиссер еще в БДТ при Товстоногове. Я уверен, что могли бросить актерство и посвятить себя целиком режиссуре. Сейчас не жалеете, что не случилось этого?

— Вот насчет этого никаких сожалений. Я люблю актерскую профес-

сию, и режиссура для меня — соединение двух профессий. Я совсем не люблю командовать, что требуется от режиссера. Я скорее дирижирую спектаклями с собственным участием, а не приказываю со стороны. А большие режиссеры, с которыми мне доводилось работать, умели добиться, чтобы этот поезд двигался сам, а режиссер остался бы на станции отправления. У меня не хватает для этого способностей.

— Весной прошлого года в «Школе современной пьесы» вышел ваш спектакль «Провокация» по пьесе молодого драматурга Игоря Вацетиса. Этого человека никто никогда не видел, и он известен только по вашим рассказам. Его биография в вашем изложении звучала так: Вацетис в советские времена работал в КГБ, в перестройку занялся журналистикой, а в 1991 году бесследно исчез где-то в Боснии. Однако не совсем бесследно, поскольку и после вы получили по почте пакеты с его литературными опусами. После премьеры «Провокации» вы пообещали, что осенью 2000 года раскроете загадку Вацетиса.

— Осенью я хотел специально для этого собрать журналистов, но болезнь сорвала мою затею. Потом было пропущено время, а теперь мы

и вовсе перешли в другой век. Устраивать специальное мероприятие по этому поводу я больше не считаю нужным. Потому я готов сейчас ответить попросту на интересующие вас вопросы и раскрыть все загадки, не устранивая никаких спектаклей. Что бы вы хотели о нем узнать? Спрашивайте.

— Кто такой Игорь Вацетис?

— (Пауза. Игорь Вацетис достает из портфеля книгу, пишет. Протягивает книгу с дарственной надписью.) Пожалуйста. Вот и прочтете всё о нем и все его пьесы, которые пока существуют.

— Спасибо.

— Вацетис возник в результате актерского перевоплощения. Его роман или, точнее сказать, большой зачин романа «Обстоятельства образа действия», был опубликован в «Континенте» еще четыре года назад. Я думал, что он привлечет внимание, но этого не случилось. Я думал, что расставленные мною знаки насмешки будут и восприняты как комедия, но этого не произошло. Я думал, что «Провокация» вызовет живой смех зрителя прежде всего над самим собой. Эта пьеса в каком-то смысле была навеяна гоголевскими «Игроками», где действуют обманщики, люди в масках. Зрителей провоцируют, чтоб они посмеялись над штампами

собственного восприятия. Но оказалось, что это сложная задача. С сожалением признаю, что этого не случилось. Пока. Надеюсь на будущее. На американские гастроли. На весеннего московского зрителя.

— Вообще-то в зале довольно много смеются.

— Смеются, но чаще над какими-то грубоватыми вещами, их там хватает. Зрители готовы прийти и поглядеть на современных персонажей, посмеяться над ними. Но на свой счет принимать этого не хотят. Иногда это, конечно, бывало на тех тридцати спектаклях, которые мы сыграли, но меньше, чем я ожидал. То ли зритель не отозвался, то ли вообще сейчас не то настроение, чтобы смеяться над собой. Полнокровная жизнь этого спектакля еще не сложилась. Я хотел бы сделать еще один спектакль по неоконченной пьесе Вацетиса «Полонез».

— Как и когда родился Вацетис?

— Он родился в 1996 году. Но роман был написан на 15 лет раньше. Поэтому Вацетис моложе меня на те 15 лет, которые провалился роман «Обстоятельства образа действия». Я полагал, что все это откроется совершенно естественно. Подумаешь какое изобретение! Сколько всего такого уже было! Мериме писал «Театр Клары Гасуль», Пушкин — «Повести Белкина»... Как можно было не понять все издательские и комические факты биографии Вацетиса, которые я сразу опубликовал? То ли внимания им всем не хватило, то ли юмора. А может, мне чего-то не хватило, чтобы они всё это поняли. Хотя, по-моему, если прочесть мое предисловие к книжке Вацетиса, сразу видно, что это чистой воды издательство.

— Еще как видно.

— Если вам было понятно, то вы один из очень немногих. Потому что даже мои друзья, прочтя предисловие, начали лить слезы: «Как же он так погиб? Может, надо что-то предпринять, чтоб его найти?». А я уже не знал, как вывернуться! Единственный человек, который вызвался мне помочь в этом деле, был Виктор Шендерович, который сказал: «Да я с Вацетисом в школе учился!» Я ему говорю: «Правильно! Вот вы и выступите на вечер, расскажете о его характере, поскольку вам как однокласснику виднее. Я-то с ним не учился!». Шендерович почувствовал, а другие — нет. В том числе и критики! Я понял, что либо я совсем плохой писатель, либо наступило время всеобщей глухоты.

— Скажите, а почему имя Вацетиса появилось именно под пьесами? Ведь прозу-то вы подписываете своим именем.

— Пьесы появились в 90-х годах, и я почувствовал, что по способу шутить и быть серьезным они похожи на упомянутый мной роман. Их написал один автор. Пишет ли Вацетис так, как я? Нет! Он совершенно другой человек. Он моложе меня, он пишет в драматической форме, а я ее не использую. Если как Юрский я скорее беседую с читателем, у меня более доверительный стиль, то Вацетис — гораздо более герметичный автор, его не видно за текстом.

— Может быть, Вацетис для вас — этакый Chernov? Двойник? Alter ego?

— Может быть, и так. Это совсем другой человек.

— Вы с самого начала писали «Провокацию» в надежде поставить ее?

— Нет, такой задачи не было. Я несколько лет сомневался, нужно ли это ставить. По-моему, в итоге я нашел актеров, идеально отвечающих этому жанру. Я просто счастлив, что нашел именно их. Но зрителя мне все-таки не удалось пробудить. И я тут не зрителя обвиняю. И не актеров, которые работают блестяще. Я обвиняю себя и отчасти нынешний театр, который слишком приручил публику к разжеванной продукции.

— Думаете, пьеса пришлась не ко времени?

— Думаю, что так. Театр сегодня существует в жестких жанровых рамках. И «Провокация» была как раз направлена против этой запертости, ограниченности нынешнего театра, где нет места неожиданностям.

— Вам бы хотелось, чтобы пьесу Вацетиса поставил другой режиссер?

— Мне было бы это занятно, но недаром никто этого предложения не сделал. Может, и вправду я, как вы говорите, свой среди чужих, чужой среди своих. Моя судьба в этом плане определилась, наверное, когда я написал свой первый драматический опыт (а это была инсценировка «Фиесты» Хемингуэя) и принес ее Товстоногову. Тот, прочитав, сказал: «Мне нравится. Но ставить я этого не буду. Мне как режиссеру там делать нечего, потому что вы все уже прочертили. Я буду это показывать в своем театре с одним условием: поставите это вы». Эта «Фиеста», на мой взгляд (я стараюсь быть объективным), была совершенно классной вещью, но никто никогда не обратился с просьбой дать ее для постановки. Я перевел «Стулья» Ионеско и утверждал: перевод настоящий, качественный. Но никто ни разу у меня его не попросил. Так же и с пьесами Вацетиса. Я всю свою жизнь ни на чью территорию не залезал, но и на мою не лезут. Я никогда не заправлял дверей перед другими, но никто ко мне особо и не приходил. По всей видимости, и правда, есть во мне какая-то выломанность из общего порядка.

Фото Игоря ИВАНЦЕВА

Встречался
Глеб СИТКОВСКИЙ